А. Т. Тандуева

ДРЕВНИЕ ПЛАСТИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННАЯ СКУЛЬПТУРА ОСЕТИИ

Работа представлена отделом изобразительного искусства и архитектуры Государственного института искусствознания. Научный руководитель – кандидат искусствоведения, старший научный сотрудник О. В. Костина

В статье рассматривается влияние древних пластических традиций – кобанской бронзы и скифской скульптуры – на современную осетинскую пластику через призму творчества трех скульпторов – Билара Царикаева, Юрия Кцоева и Вадима Джиоева.

The influence of ancient plastic traditions of Koban and Scythian sculpture on modern Ossetian culture in the light of creative work of three sculptors – Bilar Tsarikayev, Yuri Ktsoyev and Vadim Dzhioyev – is considered in the article.

Сегодня в Осетии именно станковая скульптура оказалась на большом подъеме. Это во многом обусловлено богатым пластическим прошлым. Истоки осетинской скульптуры лежат в древних пластах культур племен и народов, которые населяли территорию Северного Кавказа. Длительная пластическая традиция имеет в своей основе искусство неолитических охотников и скотоводов, скифо-сарматов, алан, начиная с эпохи бронзы.

Еще во II тыс. до н. э. мастера кобанской культуры, первые образцы которой были найдены около осетинского горного села Кобан, создавали прекрасные произведения мелкой пластики. Культура этого периода получила название «кобанская бронза» или «кавказский звериный стиль». Обнаруженные археологами металлические предметы кобанской культуры представляют собой атрибуты парадной мужской и женской одежды, утварь, оружие.

Основную массу кобанской бронзы составляют изображения животных и, в меньшей мере, человека. Фигурки животных и людей переданы условно, схематично, без тщательной проработки деталей. Вся фигура вылеплена объемом, массив которого почти не расчленен и, несмотря на малую величину, поражает монументальностью, устойчивостью. Образам свойственна суровая торжественность и мужественная простота. Они обладают чертами круглой пластики: небольшие объемные скульптурные изображения можно рассмотреть со всех сторон. Они развернуты в пространстве, с любой точки открывается цельный и строго законченный, объемный силуэт круглой скульптуры. В композиции нет главной точки зрения, которая бы доминировала над остальными: все они в одинаковой мере значительны. Обобщенность линий, передача характерного силуэта животных – черты художественного стиля этой эпохи. Все внимание сосредоточено на воплощение образа не конкретного животного или человека, а типизированного, лаконичного силуэта.

На всем протяжении существования «кобанского звериного стиля» он практически не развивался и не изменялся. В основной массе кобанская пластика отличалась статичностью, монументальностью, минимумом деталей, определенным реализмом, особенно в изображении животных.

В творчестве скифов, пришедших из великих степей на Кавказ, можно видеть интерес к созданию предметов прикладного искусства, стремление украсить необходимые в быту вещи. Лучше всего

сохранились вещи из золота, серебра, бронзы. В заледеневших Пазырыкских курганах на Алтае обнаружены произведения из дерева, рога, кости, изделия из ткани, кожи, войлока. Большой интерес представляют войлочные ковры с изображением орнамента и мифологических сюжетов.

Изображения зверей, обладающих качествами, к которым стремился и сам человек – силой, быстротой, ловкостью, – мотивы борьбы, охоты были в большинстве случаев основной темой искусства скифов, что дало возможность именовать его «скифским звериным стилем». Скифские мастера смело уменьшали, увеличивали или перекручивали части тела животного, сохраняя при этом его определенную реальность и узнаваемость. Произведения скифского искусства имеют однофасадную точку зрения, почти не имеют объема, особенно на позднем этапе своего развития. Плоскостное изображение характерно не только для тех вещей, чья функциональная принадлежность требует именно такого композиционного решения (бляшки, нашиваемые на одежду, украшения предметов воинского снаряжения, конская сбруя и т. д.), но и для вещей, где, казалось бы, необходимо наличие объемности (навершия посохов, антропоморфные изваяния). Возможно, это связано с тем, что в скифской изобразительной культуре превалировало именно декоративно-прикладное искусство, как наиболее полно отвечавшее потребностям общества того времени, где образ жизни кочевника требовал от вещей не только эстетического совершенства, но и функционального удобства. Постепенно в скифском искусстве происходит переход от реалистичности в сторону декоративности.

В целом скифская пластика отличается динамичностью, декоративностью, зачастую большим количеством тщательно проработанных деталей, обилием декора, разрушающего целостность силуэта.

В современной осетинской скульптуре в работах многих авторов наблюдается влияние древней пластики. У одних авторов на первый план выступает символизм и знаковость изображения, здесь можно назвать Билара Царикаева и Юрия Кцоева. У других проявляется исключительно декоративное начало, к примеру, в работах Вадима Джиоева.

Билар Царикаев влюблен в кобанскую бронзу. Он может делать мастерские стилизации под древность. Фибулы, булавки, зооморфные фигурки, кинжалы – все вроде похоже, но есть в них что-то не позволяющее назвать их просто удачными повторами или копиями. Черты архаики проявляются и в композиционном, и в образном решении работ. В композиции мастер часто отдает предпочтение фронтальной постановке фигур, что характерно для архаического искусства, где скульптура, будучи достаточно обобщенной, играющей роль определенного символа, знака, предмета или явления, не требовала от зрителя кругового обхода, внимательного детального рассмотрения. Герои произведений скульптора почти не имеют индивидуальных особенностей, условно решены лица – глаза, рот, нос в виде налипов, что характерно для кобанской бронзы. Национальная характерность в работах намеренно не подчеркивается. Фигуры лепятся по определенному канону, они довольно приземистые, головы несколько крупноваты по отношению к телу, гипертрофированные формы и размер рук и ног, и здесь опять прослеживается стилистика кобанских вещей. Например, работы «Осетинская невеста», «Фсати», «Несение креста», «Автопортрет». Если же изображается животное, то, как и в произведениях звериного стиля, акцент делается на какой-то характерной детали. Например, у птиц это крылья и клюв, как в «Дереве птиц», у оленей – рога, у ослика в «Бегстве в Египет» – уши. Именно эти черты – принцип

похожести, мотив повтора и приемы архаизации – указывают на глубинную связь с традиционной народной культурой. Работы Царикаева монументальны, но их монументальность заключена не в размере, а в точном соотношении масс, в отсутствии излишней детализации, дробящей цельную форму образа. У Царикаева нет работ, сюжетно связанных с современной жизнью, он отдает предпочтение мифологическим, символическим, религиозным темам.

Юрий Кцоев в своем творчестве тяготеет к знаковой скульптуре. Он создает не конкретную фигуру какого-то героя или события, а его собирательный образ. В деревянной скульптуре «Жертва» фигуры человека и животного на его плечах сливаются в одно неразрывное целое, их невозможно представить друг без друга, они оба могут быть жертвой. В композиции «Мой отец» фигуры взрослого и ребенка вырезаны из одного куска дерева. Их лица не проработаны, но превращенные в круг руки создают ощущение такого единения этих двух существ, которое трудно передать более «изощренными» пластическими средствами. «Мой отец» воспринимается и как образ отца скульптора, и как образ любимого человека, живущего на земле.

Стилистически все эти композиции также связаны с древними образцами: позы статичны, торсы то вытянуты, то укорочены, ноги также укорочены, а руки, наоборот, удлинены, лица очень условны, нос, если он показывается, преувеличено большой, детализация сведена к минимуму. Зачастую в силуэтах его работ можно разглядеть контуры деревянных деталей различных бытовых предметов, например частей упряжи. Это лишний раз указывает на глубинную связь с древними культурными традициями.

Основной акцент на декоративности делает в своем творчестве Вадим Джиоев. Он неоднократно принимал участие в археологических экспедициях, где тесно познакомился с кобанской и аланской культурами, так сказать, попробовал их на ощупь. Сочетание знаний о древности и навыков творческого ремесла привело Джиоева к созданию своеобразного художественного языка, в котором современные пластические решения переплетаются с образами кобанского и скифского звериного стиля. Если для древних образцов свойственна определенная приземистость, грубость, угловатость форм, то образы Джиоева отличает изящество и легкость. Работы имеют характер декоративных вещей. В них нет драматизма, внутренней экспрессии, психологической разработки образов, но есть ясно найденный силуэт, организующий работу в пространстве. В композиции «Воин облаков» это изящество превращает скульптуру в легкую паутину, сообщая фигурам воинов гибкость, обращая их в струны, превращая их в невесомые силуэты. И сама работа напоминает изысканный графический лист.

Скульптуры Джиоева трудно представить в виде монументальных вещей, так как при увеличении они из-за просветов могут «раствориться» в окружении. Однако автор не дробит поверхность формы деталями, он сводит их к минимуму, придавая работам цельность. Это не в полной мере круглая скульптура, работы скорее ближе к своеобразным рельефам, как и древние образцы, которые крепились на одежде, оружии. Близость с древними стилями ощущается и в выборе тем: «Терзание», «Солнце-олень», «Всадник» и т. д. Во многих работах обычная, знакомая форма приобретает новое свойство, как, например, кобанские ритуальные топорики, трансформированные в фигурки древних воинов. Или работа «Фалвара», где топорик, в древности защищавший своего хозяина, превращается в образ бога – покровителя домашнего скота.

Произведения современных осетинских скульпторов национальны не только

благодаря развитию определенной тематики, они национальны по духу, по образному строю. В них нет повествовательности, литературно развернутого сюжета, что так характерно для древней пластики. Статичность композиции, скупость движений и жестов, крупная выразительная форма, отсутствие динамики и сильных акцентов – все это вызывает в памяти произведения древних мастеров.

Благодаря глубоким традициям современная осетинская скульптура имеет все предпосылки и возможности создать новую форму художественного языка.